

р70 $\frac{\Gamma-7}{\Gamma a}$

МОСКОВСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М.В.ЛОМОНОСОВА

ИЗ ИСТОРИИ
РУССКОЙ
ФИЛОСОФИИ

XVIII-XIX

ВЕКОВ

СБОРНИК СТАТЕЙ

Для Ломоносова
№ 2405

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

1 9 5 2

В. ФОМИНА

ОЦЕНКА Г. В. ПЛЕХАНОВЫМ РУССКОЙ МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Георгий Валентинович Плеханов (1856—1918) был выдающимся деятелем русской культуры и рабочего движения последнего двадцатилетия XIX века. Это было время, когда Россия, несмотря на остатки крепостничества, быстро шла по пути капиталистического развития, когда пробудился к политической жизни и повел все более и более массовую и организованную борьбу с капиталистами русский промышленный пролетариат. В это время в России создались благоприятные условия для проникновения, распространения и торжества великих революционных идей марксизма. Историческая заслуга Плеханова заключается в том, что он, познакомившись с марксизмом, порвал с народничеством и стал пионером марксизма в России, выдающимся пропагандистом и блестящим защитником марксистских взглядов в период, когда социал-демократического движения в России еще не было.

В своих марксистских произведениях, в особенности таких, как «Социализм и политическая борьба», «Наши разногласия», «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», Плеханов разоблачал идеалистический характер народнического мировоззрения и обосновывал точку зрения марксистского материализма. Эти произведения расчистили почву для победы марксизма в России. На них учились и воспитывались поколения русских марксистов.

Плеханов сыграл крупную роль в истории марксистской эстетики и литературной критики, в истории русской общественной и философской мысли. Не случайно В. И. Ленин характеризовал демократическую культуру России именами Чернышевского и Плеханова, а И. В. Сталин относил Плеханова к числу выдающихся исторических деятелей России, олицетворяющих великую русскую нацию.

В 1913 году Ленин в статье «Критические заметки по национальному вопросу» писал: «Есть две национальные культуры в каждой национальной культуре. Есть великорусская культура Пуришкевичей, Гучковых и Струве, — но есть также великорусская культура, характеризующаяся именами Чернышевского и Плеханова».

Вместе с тем Плеханов допустил и ряд серьезных ошибок, представлявших собой зародыш его будущих меньшевистских взглядов. В 1903 году Плеханов перешел в лагерь меньшевизма, куда его тянул груз оппортунистических ошибок. С тех пор он выступал уже как теоретик и вождь меньшевизма и боролся против партии большевиков, против Ленина, враждебно встретил Великую Октябрьскую социалистическую революцию.

Идеология меньшевизма и ревизионизма не умерла и сейчас. В еще более тлетворном и реакционном виде она проявляется в деятельности правых социалистов — злейших врагов, предателей рабочего класса, главной опоры американско-английского империализма в борьбе против лагеря мира, демократии и социализма.

Острая борьба, которую Ленин и Сталин вели в свое время против Плеханова, их борьба против меньшевизма имеет самое актуальное политическое значение, ибо она вооружает коммунистические и рабочие партии всех стран для борьбы против современных лжесоциалистов.

* *
*

Историей общественной и философской мысли в России Плеханов занимался долгие годы¹. Написанные им в 80-х и 90-х годах работы по вопросам русской общественной и философской мысли сыграли положительную роль в борьбе за русскую материалистическую философию, против идеализма, явились первой попыткой марксистского объяснения истории развития философской мысли в России. Работы эти, хотя и содержат крупные ошибки, сильно отличаются от позднейших работ Плеханова, в которых он выступал уже как меньшевик, пересмотревший во многом свои взгляды по вопросам истории русской общественной и философской мысли.

В ранних своих работах о Белинском и Чернышевском Плеханов осветил (во многом умело и ярко) важнейшие стороны мировоззрения этих выдающихся представителей русской общественной мысли. В 1899 году Ленин в статье «Попытки направления в российской социал-демократии» возражает против попыток смешать «автора немецкой книги о Чернышевском» (Плеханова) с некоторыми легальными писателями. «Плеханов, — пишет Ленин, —... вполне оценил значение Чернышевского и выяснил его отношение к теории Маркса и Энгельса»².

Этим указанием Ленин подчеркивает заслугу Плеханова, много сделавшего в условиях засилья народнической идеологии и декадентства для того, чтобы защитить философские, социально-политические и эстетические идеи Белинского, Чернышевского, революционный характер их взглядов, показать их роль в подготовке почвы для распространения марксизма России.

В 80-х и 90-х годах в исследованиях истории русской общественной мысли преобладало народническо-либеральное направление, искажавшее взгляды выдающихся революционных мыслителей России. Журнал эпигонов народничества «Русское богатство», декадентские журналы «Северный вестник», «Мир искусства» и другие, вели борьбу против материализма, защищая идеализм и мистику, выступая против революционно-демократической эстетики. Плодовитые «критики» и «публицисты» буржуазно-либерального и народнического толка либо замалчивали взгляды Белинского,

¹ В 1883 году в статье «А. П. Шапов» Плеханов впервые разбирает взгляды Чернышевского. В 1883 и 1885 годах в работах «Социализм и политическая борьба», «Наши разногласия» он вновь обращается к взглядам Чернышевского и Герцена. В 1890—1892 годах, вскоре после смерти Н. Г. Чернышевского, Плеханов печатает в сборнике «Социал-демократ» четыре статьи о Н. Г. Чернышевском (в 1894 году изданы на немецком языке отдельной книгой). Позднее, в конце девяностых годов, Плеханов пишет ряд статей и рецензий о Чернышевском и две статьи о В. Г. Белинском. В девятисотые годы Плеханов выступает со многими работами о корифеях русской материалистической мысли. Так, он опубликовал 5 статей о Белинском, 7 статей о Герцене, книгу и несколько статей о Чернышевском и большой, оставшийся незаконченным труд «История русской общественной мысли».

² В. И. Ленин. Соч., т. 4, стр. 249.

Герцена, Чернышевского, Добролюбова, либо стремились опорочить их, отказывались от наследства великих русских демократов¹. Все их усилия были направлены к тому, чтобы выхолостить, исказить революционно-демократическое содержание идеологии великих мыслителей второй половины XIX века.

После Чернышевского, который в борьбе с реакционерами различных мастей отстаивал передовые идеи Белинского и Герцена, подготовив тем самым путь для более широкого их распространения, Плеханов был первым, кто выступил против искажения и замалчивания творчества выдающихся идеологов русского общественного движения. Особенно важным он считал разоблачение народнических фальсификаторов истории русской общественной мысли, которые своими «прибавлениями» и передержками искажали взгляды Белинского, Герцена, Чернышевского, пытались отождествить взгляды просветителей-демократов 60-х годов с народническими доктринами. Он указывал, что народники—Михайловский, Скабичевский и др.—старались вытеснить передовые теории и идеи великих мыслителей 40—60-х годов XIX века и распространить свои мелкобуржуазные, реакционные, идеалистические утопии.

Плеханов ополчается и против буржуазных исследователей, которые делали попытки переосмыслить с позиций идеализма философские и эстетические воззрения Белинского, Герцена, Чернышевского. В 1897 году в журнале «Новое слово» он выступает против либерального публициста декадента Волынского, стремившегося в своей книге «Русские критики» развенчать взгляды революционных демократов.

Еще в 80-х годах Г. В. Плеханов поднял голос в защиту идейного наследства великих русских мыслителей-материалистов. Он поставил вопрос об исторических судьбах этого наследства, об отношении к нему различных течений русской общественной мысли. «Нас интересует в настоящее время история революционных идей, — писал он. — Для нашей цели необходимо подвести итог всем тем социально-политическим воззрениям, которые достались нам в наследство от предшествующих десятилетий».

Плеханов справедливо разграничивал эпоху, когда действовали революционные демократы, и эпоху, когда действовали народники. В 40—50-х годах Россия переживала кризис крепостного хозяйства; деятельность революционных демократов протекала в условиях дореформенной России, в условиях подготовки реформы 1861 года. Народничество же возникло в пореформенный период, когда страна вступила на путь капиталистического развития. Перед русской общественной мыслью встали новые вопросы: это были вопросы о развитии капитализма в русской деревне, о разложении крестьянской общины и т. д. Плеханов, рассматривая постановку Чернышевским и народниками вопроса об общине, имел в виду это различие эпох: не придется ли сжечь, говорил он, все, чему поклонялась наша социалистическая интеллигенция, и отталкивать общину, как оплот мелкобуржуазной эксплуатации². Если такие вопросы не возникали в уме Н. Г. Чернышевского, который писал об общинном землевладении до уничтожения крепостного права, продолжает Плеханов, то неизбежно все или почти все они должны были явиться перед нашими

¹ См., например, Н. Минский. Старинный спор (Киевская газета «Заря» 1884 г.); В. Розанов. Почему мы отказываемся от наследства («Московские ведомости» 1891 г.); А. Волынский. Русские критики (1897 г.); В. В. Немецкий. Социал-демократизм и русский буржуазизм («Неделя» 1894 г.); Н. Михайловский. Статьи 1894—1897 гг.

² См. Г. В. Плеханов. Соч., т. II, стр. 129.

революционерами семидесятих годов. Чернышевский некоторое время полагал, что еще не успевшая разложиться русская община послужит основой для будущего строя социализма. Однако он совершенно не склонен был к идеализации общинного быта в России, что отличало его от народников. Народники, как известно, повернулись спиной к общественно-экономическому развитию России, не хотели видеть разложения общины и ошибочно считали общину «основной ячейкой социализма».

«В своих экскурсиях в область более или менее сомнительного будущего наши революционеры должны были исходить из бесспорных фактов настоящего,—писал Плеханов.—А это настоящее имело уже очень мало общего со старой, знакомой Гакстгаузену и Чернышевскому картиной дореформенной крестьянской жизни».

Народники кричали о необходимости всеми силами укреплять общину, руководствуясь убеждением, что современная община способна перейти в высшую экономическую форму. «Белинский очень пренебрежительно отнесся бы к подобным упованиям...—отмечал Плеханов.—Он объявил бы их призрачными и абстрактными, так как призрачно все то, что... является из какого-то чуждого ему «вне», а не «изнутри»... Белинский уже в конце тридцатых годов был ближе к научному пониманию общественных явлений, чем наши нынешние сторонники старых устоев»¹.

Существеннейшее отличие между народниками и революционными демократами состояло в том, что Белинский, Герцен, Чернышевский стремились ускорить общественное развитие и защищали идею прогресса, в то время как народники выступали сторонниками застоя, желали повернуть колесо истории назад.

Белинский и Чернышевский, относясь критически к капиталистической эксплуатации, не отрицали, однако, прогрессивности развития капитализма. «В наше время,—писал Чернышевский,—главная движущая сила жизни—промышленное направление. Из этого выходит и некоторое содействие просвещению, потому что для промышленности нужна наука и умственная развитость...». Будущий строй, по мнению Чернышевского, подготавливается «развитием цивилизации... а не бесплодным хвостовством остатками исчезающего, давно прошедшего». Характерно, что Чернышевский писал это в 1855 году, когда еще «верил» в русскую общину.

Народники восприняли у Герцена и Чернышевского критическое отношение к капиталистической эксплуатации, однако они считали, что в России, идущей своим «самобытным путем», нет почвы для развития капитализма, что капитализм для русского экономического строя есть случайное явление, что он «искусственно пересажен» в Россию и якобы является упадком, регрессом и т. д. Народники не понимали, что, несмотря на все свои мрачные стороны, капитализм в России в то время, по сравнению с крепостническим строем, представлял исторически прогрессивное явление. Их стремление задержать, остановить развитие капитализма было реакционным.

Белинский и Чернышевский не ставили вопроса о капитализме в России, поскольку современная им русская действительность была еще недостаточно развита в этом отношении. Решение же этого вопроса народниками в эпоху, когда Россия уже вступила на путь капитализма, оказалось настолько неудовлетворительным, вследствие их мелкобуржуазной точки зрения и сентиментальной критики капитализма, что народ-

¹ Г. В. Плеханов. Соч., т. X, стр. 232.

ничество, как указывал Ленин, по целому ряду важнейших вопросов общественной жизни оказалось далеко позади просветителей.

Плеханов отметил реакционность народнической утопии. Если в середине XIX века, писал он, русские революционеры могли черпать известную энергию в той мысли, что Россия не пройдет капиталистического периода, то в наше время та же мысль становится опасной утопией: теперь крайне необходимо с ней бороться. Таким образом, русская революционная интеллигенция начала семидесятых годов со времени Чернышевского не продвинулась вперед, не прибавила ни одного серьезного аргумента в пользу отрицательного решения поставленного еще Герценом вопроса о том, должна ли Россия пройти все фазы европейского развития. Однако плехановская постановка вопроса была весьма общей, абстрактной.

Только Ленин глубоко раскрыл отношение народников к наследству революционных демократов.

Ленин подчеркивал: «Присоединение народничества к наследству и традициям наших просветителей оказалось в конце концов м и н у с о м: тех новых вопросов, которые поставило перед русской общественной мыслью пореформенное экономическое развитие России, народничество не решило, ограничившись по поводу их сентиментальными и реакционными ламентациями, а те старые вопросы, которые были поставлены еще просветителями, народничество загромодило своей романтикой и задержало их полное разрешение»¹.

Народники не смогли сколько-нибудь удовлетворительно, указывал Плеханов, рассмотреть новые вопросы, которые поставило перед русской общественной мыслью пореформенное экономическое развитие России и решить старые вопросы, о которых писали Белинский, Герцен, Чернышевский. Но, подметив это, Плеханов, который считал и революционных демократов 40—60-х годов и народников одинаково представителями русской интеллигенции, не вскрыл мелкобуржуазной сущности народнической идеологии, отличавшей народников от глубокого демократизма революционных мыслителей второй половины XIX века. Лишь В. И. Ленин показал резкое отличие идеологии революционных демократов, которые последовательно отстаивали интересы народа, от мелкобуржуазных устремлений народников. С непревзойденной глубиной Ленин раскрыл тот факт, что Белинский, Чернышевский, Добролюбов являлись выразителями идеологии крестьянства, как угнетенного сословия крепостнической дореформенной России, а народники были выразителями идеологии крестьянства, как класса мелких товаропроизводителей капиталистической России.

В глазах Плеханова Белинский, Герцен, Чернышевский были выдающимися мыслителями и революционными деятелями. О Белинском Плеханов писал, что он был «страстным бойцом», который заглянул в проклятые вопросы того времени так глубоко, как это никогда не удавалось сделать другим: недаром люди 60-х годов так почитали Белинского. О Чернышевском Плеханов писал, что в плеяде мыслителей-революционеров он представляет собой огромную, незаменимую силу².

Плеханов противопоставил взгляды Белинского и Чернышевского на развитие общественной жизни взглядам русских «социологов» с их отвлеченными «формулами прогресса», показывая, что в лице Белинского и Чернышевского русская общественная мысль впервые с гениаль-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 2, стр. 491—492.

² См. Г. В. Плеханов. Соч., т. V, стр. 113.

ной смелостью взялась за решение социального вопроса. Белинский и Чернышевский обратили внимание нашей, преимущественно разночинной, интеллигенции на этот вопрос и приучили ее рассматривать социальный вопрос с точки зрения интересов народа. Уже одно это должно быть признано огромной заслугой, подчеркивает Плеханов.

Плеханов ополчался против тех, кто, как, например, Венгеров, стремился замазать революционный характер мировоззрения революционных демократов. Белинский становится революционером, подчеркивает Плеханов, но «Русскому богатству» не хочется согласиться с этим и оно употребляет все усилия для того, чтобы «стереть яркие краски с образа нашего великого писателя»¹.

Плеханов подметил, что революционная страстность составляла преобладающую черту характера Белинского: страстность проявляется в его статьях, несмотря на то, что усердная рука цензора неумолимо и неуклонно стирала с них краски; она прорвалась бурным потоком в его знаменитом негодующем письме к Гоголю; она придает неотразимую прелесть вообще всей его переписке; наконец, она же определяет собой его отношение к противникам². Указывая на эту важнейшую черту в облике Белинского, Плеханов, однако, не сумел полностью преодолеть буржуазно-либеральные взгляды на Белинского. Так, вслед за фальсификаторами наследства Белинского он повторял прозвище «неистовый Виссарион», не опровергал ссылок на «желчную силлогистику», которыми либералы затемняли революционную непримиримость Белинского.

Белинский, отмечает Плеханов, весь свой гений устремлял на отыскание прогрессивного пути общественного развития. Плеханов справедливо называл Белинского крупнейшим мыслителем, обладавшим чутьем гениального социолога, умевшим ценить великое значение европейских переворотов: недаром «охранители» чуяли в нем «потрясателя основ» даже тогда, когда он говорил о чисто литературных вопросах. «Охранители часто бывают одарены превосходным чутьем», — писал Плеханов.

Плеханову было ясно, что главное содержание деятельности революционных демократов составляла борьба против самодержавия, крепостничества и всех его порождений. Они развернули борьбу против отживших форм жизни, за создание такого общества, где будет уничтожена нужда, где будет положен конец страданиям народа. Социализм для Белинского, указывал Плеханов, явился «идеей идей», «альфой и омегой» веры, знания и понимания общественного развития, идеальной формой будущего общественного строя.

Пороки теории утопического социализма, его отвлеченность, созерцательность и беспочвенность бросались в глаза Белинскому. «Его раздражение, — говорит Плеханов, — против утопического социализма, стоявшего на почве абстрактного отрицания существующего порядка вещей, выросло тем сильнее, чем болезненнее сознавал он необходимость найти конкретную, действительную почву для своего отрицания действительности»³. Но преодолеть черты идеализма и утопизма в объяснении общественных явлений Белинский не смог в силу отсталости современной ему общественной жизни. Он остался на позициях утопического социализма, не дошел до научного, пролетарского социализма.

¹ Г. В. Плеханов. Соч., т. X, стр. 326.

² См. там же, стр. 319.

³ Там же, стр. 344.

Правильно показав все это, Плеханов не раскрыл, однако, того обстоятельства, что именно вера в социальную революцию ставила Белинского выше западноевропейских утопических социалистов, ибо он отбросил их мечтания о возможности мирного перехода к социализму.

Говоря о Чернышевском, Плеханов указывал, что он был сторонником непримиримой политической борьбы и жажда борьбы сказывается едва ли не в каждой из его статей. Если бы нужно было одним словом охарактеризовать миросозерцание Чернышевского, писал Плеханов, то я назвал бы его революционным миросозерцанием. Он был революционером не только по своим симпатиям и антипатиям, по своей ненависти к политическим угнетателям народов, но и по резко отрицательному отношению к социальному строю современных цивилизованных государств. Все его взгляды на ход внутреннего развития общества проникнуты революционным духом.

Плеханов немало сделал для выяснения политического облика великих революционно-демократических деятелей. Но ложная «западная схема» помешала ему до конца раскрыть исключительную роль Белинского, Герцена, Чернышевского, Добролюбова как революционных демократов и пламенных патриотов. В определении классовой основы их революционных идей Плеханов уподобился буржуазным историкам философии, оставившим в стороне классовую борьбу; в русском обществе и ее отражение в идейно-политической борьбе. Он пытался втиснуть взгляды революционных демократов в отвлеченную схему просветительства и называл их великими просветителями, социалистами-утопистами в буржуазном смысле этих слов.

Характеризуя взгляды Чернышевского, Плеханов упорно подчеркивал, что экономическая и политическая отсталость России придавала всем его практическим планам и некоторым теоретическим взглядам характер утопии: поэтому и его программа социалистических реформ не могла отличаться определенностью. Социалистический строй представлялся Чернышевскому в виде ассоциаций, в которых он видел основу улучшения положения народа. Плеханов критиковал Чернышевского за идеализм и утопизм. Но он преувеличивал утопизм Чернышевского, выпячивал его исторический идеализм и делал вывод, что некоторые рассуждения Чернышевского весьма напоминают высказывания утопистов Запада, утопизм фурьеристского толка. В меньшевистских произведениях Плеханова о Чернышевском эта сторона совершенно заслонила вопрос о революционно-демократической программе Чернышевского. Плеханов не смог оценить ее революционного содержания. Он превратил Чернышевского, этого великого русского писателя, одного из первых социалистов в России, как его называл Ленин¹, в простого последователя западноевропейских социалистов-утопистов, не вскрыл научных элементов его социалистического мировоззрения, оригинальности его социально-политических взглядов, не показал того, что у Чернышевского утопический социализм сливался с революционным демократизмом.

* * *

Плеханов много писал о противоположности между теоретическими воззрениями Белинского и Чернышевского и воззрениями народников. В русской литературе 80-х годов он первый показал, что Белинский

¹ См. В. И. Ленин. Соч., т. 12, стр. 257.

и Чернышевский являются выдающимися русскими философами-материалистами, а их философские системы—серьезным вкладом в развитие русской философии. Это было тем более важно, что реакционеры—философы плакались на якобы существующий застой в русской общественной мысли, являющийся будто бы результатом «мертвящего влияния материализма» в науке и философии. «Истинно-русскими» философами провозглашались Юркевич, В. Соловьев, позднее—Д. Мережковский, а роль Белинского и Чернышевского в разработке вопросов философии была обойдена. Белинский, Герцен, Чернышевский развенчивались как мыслители и философы.

В ряде ранних своих работ, защищая передовых русских мыслителей-демократов, Плеханов писал о трудных, многолетних исканиях правильной революционной теории Белинским, Герценом, Чернышевским. Страстные искания истины, отмечал Плеханов, характерны для Белинского от ранних лет до последних дней его жизни. Мучительный процесс искания правильной революционной теории и путей исторического обновления общества Плеханов называл умственной драмой Белинского. Чернышевский, говорит Плеханов, призывал идти по следам Белинского и по мере сил продолжать его дело, распространять в народе «высокие идеи правды, искусства, науки».

Идеализму и эклектике народников Плеханов противопоставлял материализм Чернышевского. Философские позиции Чернышевского Плеханов характеризовал, как последовательно материалистические. Он называл Чернышевского «решительным материалистом». В разоблачении идеализма и поповщины, в разоблачении позитивизма, в борьбе Чернышевского против мракобесов типа Юркевича Плеханов видел яркое доказательство цельности его философского материализма. Плеханов обращал внимание на глубокую критику Чернышевским мировоззрения Лаврова и других народников,—мировоззрения, представлявшего собой смесь материализма и идеализма. Против агностицизма и позитивизма народников Чернышевский выступил со специальной статьей «Антропологический принцип в философии», в которой блестяще защитил материализм от нападок Лаврова. Чернышевский показал, говорит Плеханов, что субъективная социология народников несет на себе влияние О. Конта, Г. Спенсера, а философских взглядах которых Чернышевский отзывался резко отрицательно.

Однако философские, теоретико-познавательные взгляды Чернышевского раскрываются Плехановым поверхностно. Защита Чернышевским материализма, его борьба против скептицизма и всяких других форм идеализма, особенно против агностицизма, показана недостаточно. Важнейшие работы Чернышевского по вопросам гносеологии,—такие, как «Полемические красоты», «Виллойские письма»,—не получили должной оценки со стороны Плеханова. Между тем, эти произведения по праву считаются образцом домарксистской критики агностицизма Канта. Плеханову было известно замечание Энгельса, что возражения Фейербаха против агностицизма «более остроумны, чем глубокомысленны», известна критика Энгельсом агностиков и идеалистов. Он мог, пользуясь своим излюбленным методом сопоставления, показать, как близко подошел Чернышевский к Энгельсу в своей блестящей критике агностиков и эклектиков. Но он этого не сделал. И, главное, Плеханов некритически утверждал, что философия Чернышевского есть собственно философия Фейербаха, что Чернышевский в философии следовал Фейербаху.

Плеханов не смог дать полной и правильной характеристики материалистических взглядов революционных демократов. Он оши-

бочно сводил материализм Герцена, Белинского, Чернышевского к антропологизму Фейербаха. В своих суждениях Плеханов прямо описывается на логическую филиацию идей. В статье «История новейшей русской литературы 1848 — 1892 гг. А. М. Скабичевского» (1897) он говорит, что основные философские взгляды Чернышевского, «заимствованные у Фейербаха, логически выросли из философии Гегеля путем весьма поучительного диалектического процесса, благодаря которому идеализм породил материализм»¹. Плеханов не понял, что Белинский, Чернышевский, Герцен пошли против Фейербаха, что их философия представляла собой более высокий этап в развитии философской мысли, чем философия Фейербаха.

В. И. Ленин в гениальном труде «Материализм и эмпириокритицизм» специально отметил в главе «С какой стороны подходил Н. Г. Чернышевский к критике кантианства» выдающееся значение гносеологической позиции Чернышевского. Ленин подчеркивал, что русские махисты, неокантианцы и другие путаники от философии оказались далеко позади Чернышевского:

«... К сведению все перепутавших российских махистов: Чернышевский стоит позади Энгельса, поскольку он в своей терминологии смешивает противоположение материализма идеализму с противоположением метафизического мышления диалектическому, но Чернышевский стоит вполне на уровне Энгельса, поскольку он упрекает Канта не за реализм, а за агностицизм и субъективизм, не за допущение «вещи в себе», а за умение вывести наше знание из этого объективного источника»².

В Чернышевском Ленин видел великого материалиста, непримиримого борца против агностицизма и идеализма. В противоположность Плеханову, Ленин не ограничивается констатацией того, что Чернышевский был материалистом домарковского периода. На основе глубочайшего анализа философского материализма Чернышевского Ленин установил, что Чернышевский в ряде вопросов материалистической философии стоит «вполне на уровне Энгельса». Ленин вскрывает как сильные, так и слабые стороны взглядов Чернышевского, их классовое содержание.

Плеханов подчеркивал, что диалектика является сильной стороной суждений Белинского, Герцена, Чернышевского, главнейшим их приобретением. При изучении взглядов Чернышевского Плеханов обращает внимание читателя на классическую формулировку вопроса о конкретности истины, данную автором «Очерков гоголевского периода русской литературы», и подчеркивает диалектическое отношение Чернышевского к изучаемому предмету. Однако Плеханов и Белинскому, и Герцену, и Чернышевскому приписывая гегелевскую диалектику, видел у них лишь механическое заимствование гегелевских диалектических принципов. Органическая связь диалектики Белинского, Герцена, Чернышевского, Добролюбова с революционно-демократической борьбой, которую они вели против царизма, осталась вне поля зрения Плеханова, так же, как и их критика диалектики Гегеля.

Народники отказались от традиций материалистической философии Белинского и Чернышевского. Народники третировали философию, как «метафизику» и объявили гонение на нее. Им был чужд диалектический взгляд на мир. Выродившиеся либеральные народники плелись в хвосте за модными европейскими идеалистическими направлениями. Именно они, замечает Плеханов, изображали материализм как

¹ Г. В. Плеханов. Соч., т. X, стр. 312.

² В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 345.

философию отрицания идеалов, отказа от духовных стремлений, как нечто, стоящее ниже идеализма. Плеханов, раскрывая благородные устремления русских материалистов XVIII и XIX веков, доказывал, что материалистическое мировоззрение дает единственно правильное понимание действительности. Но при всем том Плеханов был недостаточно резок в критике народников, подбиравших крохи западноевропейских реакционных философских систем, в особенности систем Спенсера, Дюринга, Конта.

В. И. Ленин с принципиальной непримиримостью раскрыл подражание народнических социологов модным теориям западноевропейских реакционных идеалистов. «У главных направлений передовой общественной мысли России имеется, к счастью, — указывал Ленин, — солидная материалистическая традиция. Не говоря уже о Г. В. Плеханове, достаточно назвать Чернышевского, от которого современные народники (народные социалисты, эсеры и т. п.) отступали назад нередко в погоне за модными реакционными философскими учениями, поддаваясь мишуре якобы «последнего слова» европейской науки и не умея разобрать под этой мишурой той или иной разновидности прислужничества буржуазии, ее предрассудкам и буржуазной реакционности»¹.

Так, о либеральном народнике Михайловском Ленин писал: «В философии Михайловский сделал шаг назад от Чернышевского, величайшего представителя утопического социализма в России. Чернышевский был материалистом и смеялся до конца дней своих (т. е. до 80-х годов XIX века) над уступочками идеализму и мистике, которые делали модные «позитивисты» (кантианцы, махисты и т. п.). А Михайловский плелся именно за такими позитивистами. И до сих пор среди учеников Михайловского, даже самых «левых» народников (вроде г. Чернова), царят эти реакционные философские взгляды»².

Народники, таким образом, не стали преемниками и продолжателями материалистической линии Белинского—Чернышевского, хотя они и выступили на общественную арену непосредственно после Чернышевского. Они и в философии, и в социологии, и в политике сделали шаг назад от революционных демократов, являясь эклектиками и идеалистами. Материалистическую традицию революционных демократов продолжили выдающиеся русские естествоиспытатели—Сеченов, Менделеев и другие.

После насильственного удаления Чернышевского с арены общественной борьбы усилившаяся реакция затруднила пропаганду материализма. Русская философская мысль после Чернышевского, до появления русских марксистов, не пошла в своем развитии дальше того, что было сделано Чернышевским и Добролюбовым. Чернышевский—вершина в развитии домарксовской философии.

Чрезвычайно ценным было указание Плеханова, что взгляды Чернышевского явились самым важным приобретением домарксовской философской и общественной мысли. «И поскольку эта мысль отказывалась от этого своего приобретения, как она сделала это в лице П. Лаврова и его последователей, постольку она шла назад в своем развитии»³, — писал Плеханов. Ни народнические фракции и направления, ни легальная русская критика и публицистика «не сделали буквально ни шагу вперед с тех пор, как прекратилась литературная деятельность Чернышевского», подчеркивает Плеханов. Поясняя эту свою мысль, Плеханов правильно

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 33, стр. 201—202.

² В. И. Ленин. Соч., т. 20, стр. 100—101.

³ Г. В. Плеханов. Соч., т. VI, стр. 337.

указывает, что народники не были последователями взглядов великих русских демократов.

В борьбе с идеалистическими взглядами народников Плеханов отстаивал учение Белинского, Чернышевского, Добролюбова о народности, идейности и реализме, как важнейших принципах материалистической эстетики. Белинский и Чернышевский, указывал Плеханов, рассматривали литературу как орудие борьбы за изменение общественных отношений, как служение народу, выступали глашатаями искусства для народа.

Литературно-критические воззрения Белинского и Чернышевского оказали огромное воздействие на формирование мировоззрения Плеханова, на развитие его эстетических взглядов.

«Плеханов,—указывал т. Жданов,—много поработал для того, чтобы разоблачить идеалистическое, антинаучное представление о литературе и искусстве и защитить основные положения наших великих русских революционеров-демократов, учивших видеть в литературе могучее средство служения народу». Эти лучшие традиции русской литературы XIX века были продолжены Плехановым и научно разработаны Лениным и Сталиным.

* *
*

В серии своих ранних статей о революционной демократии Плеханов делал попытку проследить истоки русского социализма и установить связь русских социал-демократов с их предшественниками.

Народники утверждали, что марксизм в России—«побочное» явление, что русские марксисты будто бы некритически перенимают готовые схемы Маркса, повторяя, как догму, обобщения, являющиеся слепком с совсем других общественных условий: поэтому якобы нет и не может быть никакой преемственной связи между марксизмом и русскими революционными демократами XIX века. Плеханов же доказывал, что именно марксизм дал единственно правильное теоретическое решение вопросов, которые были поставлены выдающимися мыслителями Запада и России.

Он писал о Белинском, как о предшественнике русского марксизма: «Но что же такое марксизм, как не новая фаза того самого умственного движения, которому мы обязаны Белинским?»¹. Со временем Белинский сделался бы ревностным адептом диалектического материализма, который во второй половине XIX века явился на смену отжившей идеалистической философии, говорил Плеханов. «Историческое развитие увлекшей его философской мысли направлялось как раз в эту сторону, и недаром он с удовольствием читал «Deutsch-Französische Jahrbücher», в которых писали будущие основатели диалектического материализма. Если он ничего не имел против их взглядов в 1845 году, то почему восстал бы он против них впоследствии, когда они развились и получили прочное обоснование?»². Однако позднее, противореча собственному утверждению о том, что Белинский—предшественник русского марксизма, Плеханов заявил: «Белинский был гегельянцем, но это не значит, что он был бы предшественником русской социал-демократии».

Главную заслугу Чернышевского Плеханов видел в том, что его теоретическая мысль работала в том же направлении, в каком совершалась основная работа передовой общественной мысли Запада.

¹ Г. В. Плеханов. Соч., т. X, стр. 63—64.

² Там же, стр. 240.

Плеханов вел борьбу с лживыми измышлениями народников—Михайловского, Кареева и других,—утверждавших, что якобы марксисты отзываются от наследства 60-х годов.

Опровергая эсеровско-народнические утверждения о враждебности марксистов революционным просветителям XIX века, Плеханов доказывал, что с традициями 60-х годов порвали не марксисты, а народники: русские марксисты являются продолжателями, законными наследниками передовых идей и традиций великих мыслителей XIX века. Современные марксисты, писал Плеханов, несравненно более близки к Чернышевскому, «нежели к тем мнимым продолжателям его дела, которые под предлогом стремления вперед пошли назад и провозгласили принципы нашего пресловутого субъективизма».

Ленин и Сталин, большевистская партия дали исчерпывающую, непревзойденную по глубине и ясности оценку славных традиций Белинского, Чернышевского, Добролюбова. В работах Ленина и Сталина раскрывается глубокая связь революционного демократизма с большевизмом, освободительного движения прошлого—с революционной борьбой рабочего класса.

«Русская социал-демократия призвана стать передовым борцом русской демократии,—писал Ленин,—призвана осуществить ту цель, которую ставит перед ней все общественное развитие России и которую завещали ей славные деятели русского революционного движения»¹. Эту мысль Ленина подчеркнул А. А. Жданов в докладе о журналах «Звезда» и «Ленинград»: «Известно,—говорил он,—что ленинизм воплотил в себе все лучшие традиции русских революционеров-демократов XIX века и что наша советская культура возникла, развилась и достигла расцвета на базе критически переработанного культурного наследства прошлого».

Ленин показал великое значение идейных традиций русских революционных демократов. Их революционные идеалы, их высокие патристические устремления соответствовали «интересам тех классов, которые создаются и развиваются капитализмом»², соответствовали чаяниям широких народных масс. В деятельности революционных демократов Ленин усматривал выдающийся образец «настоящей любви к родине»³.

Русских марксистов, давших человечеству великие примеры борьбы за свободу и за социализм, роднит с революционными демократами забота о судьбах своей родины и своего народа, горячее стремление пробуждать и развивать революционное самосознание трудящихся, поднимать их на борьбу против старого строя.

Ленин подчеркивал последовательно революционное, патристическое содержание русского просветительства. Плеханов же в своих работах не раскрыл патристического содержания воззрений Белинского, Герцена, Добролюбова, Чернышевского. Ленин восхищался беспримерным героизмом революционных деятелей русского освободительного движения, отмечал их исторический оптимизм, их стремление к революционному переустройству России—черты, дорогие и близкие пролетарским революционерам.

В замечательной работе «От какого наследства мы отказываемся» Ленин раскрыл важнейшие черты русского просветительства: первая и основная его черта—это вражда «к крепостному праву и всем его порождениям в экономической, социальной и юридической области».

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 4, стр. 303.

² В. И. Ленин. Соч., т. 2, стр. 493.

³ В. И. Ленин. Соч., т. 21, стр. 85.

Вторая характерная черта, общая всем русским просветителям, — горячая защита просвещения, самоуправления, свободы, европейских форм жизни и вообще всесторонней европеизации России. Наконец, третья характерная черта «просветителя» это — отстаивание интересов народных масс, главным образом крестьян (которые еще не были вполне освобождены или только освобождались в эпоху просветителей)¹. Эта работа Ленина представляет собой классический образец партийной, классовой оценки революционного наследия Белинского, Чернышевского, Герцена, наследия революционной демократии.

С особой силой Ленин подчеркивал, что между революционным просветительством и народничеством проходит водораздел. Для народничества Ленин считал характерными следующие черты: 1) признание капитализма в России упадком, регрессом; 2) признание самобытности русского экономического строя вообще и крестьянства в частности; 3) игнорирование связи интеллигенции и юридико-политических учреждений страны с материальными интересами определенных общественных классов.

Ленин опроверг широко распространявшиеся либерально-народнической прессой выдумки об отказе русских учеников Маркса от наследия передовой русской общественной мысли, о разрыве их с лучшими традициями прошлого. Ленин показал, что либеральные народники «валят с больной головы на здоровую», принимая «бесповоротный разрыв» русских марксистов с народничеством за разрыв с лучшими традициями великих революционных деятелей 40—60-х гг. Разоблачая эти измышления, Ленин показал, что именно народники своими «прибавлениями» извращают революционные традиции русских просветителей, отождествляя эти традиции с народническими идеалами.

Русские марксисты связаны с наследием 60-х годов историческим оптимизмом, тогда как у народников «вместо исторического оптимизма и бодрости духа — пессимизм и уныние»², фальшивая идеализация деревни, находящаяся «в самом вопиющем противоречии с традициями трезвого и реалистического наследия»³. Исторический реализм, вражда к дореформенному быту и его остаткам, верность прогрессу, забота об интересах трудящихся — все это неразрывными нитями связывает марксистов с идейным наследием революционных демократов. На заявления народников, что они являются «хранителями наследия», Ленин отвечал, что «хранить наследие» — вовсе не значит ограничиться наследием, или хранить его, как хранят архивариусы старую бумагу. Принимая наследие, марксисты подходят к нему, основываясь на теории и опыте борьбы рабочего класса, дополняют это наследие анализом новой обстановки и новых условий с точки зрения интересов пролетариата. Русские ученики Маркса, подчеркивал Ленин, гораздо более последовательные, гораздо более верные «хранители наследия», чем народники.

Подход Плеханова к наследию революционных демократов во многом был принципиально ошибочен.

Зародыши антинаучных взглядов Плеханова на историю русской философской мысли отчетливо видны и в его ранних, лучших работах, направленных против народников в защиту Белинского и Чернышевского. Уже в этих его работах сказалось непонимание социально-классовых

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 2, стр. 472.

² Там же, стр. 484.

³ Там же, стр. 485.

основ мировоззрения представителей русского материализма, русские философы рассматривались как просветители-утописты, подражатели западноевропейских мыслителей, недооценивались патриотические устремления революционных демократов.

* *
*

Неправильный подход Плеханова к исследованию русской материалистической философии перерос, в результате политической эволюции Плеханова к меньшевизму, в антимарксистскую концепцию истории русской общественной и философской мысли.

Поражение революции 1905 года и последовавшая реакция усилили нападки идеологов контрреволюции на великие традиции предшественников русской социал-демократии, на демократическую русскую культуру и литературу. Появились Гершензоны, Богучарские, пытавшиеся с либеральных позиций исказить историю русской общественной мысли и роль в ней Белинского, Чернышевского, Добролюбова, Герцена. Ленин с исчерпывающей ясностью раскрыл реакционный политический характер выступлений «веховцев».

Буржуазные либералы—Ашевский, Гершензон, Богучарский и др.,—именуя Белинского, Добролюбова, Чернышевского «вождями интеллигенции», а их взгляды «классическим выражением интеллигентского настроения», тщились «очистить» от «интеллигентщины» (читай: от демократизма) русскую культуру. Либералы оплевывали идейные основы русской демократии—передовую материалистическую философию, публицистику, литературу и литературную критику—и изображали их как не имеющие почвы в русском народе. Они продолжали линию сознательного извращения истории передовой общественной мысли России, опошления и принижения русской культуры. Они вели борьбу против материализма в философии и реализма в искусстве, «доказывали» ошибочность идей классической русской философии, противопоставляли Белинскому, Чернышевскому, Добролюбову философов-идеалистов типа Вл. Соловьева, Чичерина и др. Они пытались свести на нет могучее и плодотворное влияние революционных демократов на русское освободительное движение, на развитие элементов русской демократической культуры.

Ленин разоблачил попытки выдать революционеров-просветителей за либералов. Он показал, что либералы ведут войну против подлинной народной, демократической культуры, маскируют культуру правящих классов под «национальную культуру». Ленин раскрыл великое значение философских и культурных традиций русской революционной мысли высоко оценил взгляды революционеров-демократов как идеологическое выражение назревавшей в России буржуазно-демократической революции.

Из представителей меньшевистского крыла российской социал-демократии один лишь Плеханов в 1909—1912 годах выступил против попытки реакционеров—Булгаковых, Бердяевых, Богучарских, Гершензонов, Ашевских—приспособить взгляды революционных демократов к господствующей реакционной идеологии. Он протестовал против стремления Богучарского представить Герцена «религиозным типом» и идеалом, против клеветнического утверждения Скабичевского, будто Белинский целый ряд критических принципов заимствовал у либерала Майкова, против высказываний Ашевского, который сомневался в выдающемся значении Белинского и Чернышевского в развитии русской общественной мысли.

Но хотя меньшевик-партиец Плеханов не мог не видеть непримиримой борьбы Ленина, большевиков с буржуазными либералами—«веховцами», эсерами, ликвидаторами—и выступил против «веховцев», — он в силу своих меньшевистских взглядов не раскрыл и не разоблачил ренегатской сущности российского либерализма.

Ленин требовал строгой научной объективности и большевистской партийности в оценке взглядов выдающихся мыслителей-революционеров. Он дал непревзойденные образцы анализа основных черт и особенностей, значения и роли передовой русской общественной и философской мысли. Особенно важным Ленин считал исследование классовой борьбы, как практической основы всех теорий и учений.

В своей классической, единственно научной периодизации истории русской общественной мысли Ленин, выяснив позиции и роль борющихся классов в историческом процессе, блестяще показал истоки и классовые основы мировоззрения представителей освободительного движения: «Освободительное движение в России,—писал Ленин в 1914 году в статье «Из прошлого рабочей печати в России», — прошло три главные этапа, соответственно трем главным классам русского общества, налагавшим свою печать на движение: 1) период дворянский, примерно с 1825 по 1861 год; 2) разночинский или буржуазно-демократический, приблизительно с 1861 по 1895 год; 3) пролетарский, с 1895 по настоящее время»¹.

Приведенное положение В. И. Ленина о классах, действовавших в освободительном движении XIX века, является отправным в изучении истории русской освободительной мысли XIX века. Оно имеет решающее значение для раскрытия и оценки классового содержания идей Ломоносова, Радищева, Герцена, Белинского, Чернышевского, Добролюбова, для понимания особенностей и своеобразия развития общественной мысли в России. Ленинский подход к исследованию истории общественной мысли в России не только противостоит плехановской концепции, но и прямо направлен против нее.

В. И. Ленин был решительным противником попыток объяснять формирование взглядов корифеев русского материализма отвлеченно. Ленин всегда учитывал конкретно-исторические, национальные особенности развития страны и расстановку классовых сил на каждом данном историческом этапе. Именно на этом Ленин делал основное ударение. Он бичевал либералов-веховцев, пытавшихся изолировать мирозерцание и деятельность Белинского, Герцена, Чернышевского от истории борьбы крестьянских масс. Разве, спрашивал Ленин, «история нашей публицистики не зависела от возмущения народных масс остатками крепостнического гнета?»². Белинский, Чернышевский, Добролюбов для Ленина— выдающиеся представители революционного демократизма, непримиримо боровшиеся против трусливого буржуазного либерализма.

Ленин подчеркивал, что русская революционная демократия была выразительницей демократического движения и проявила себя, как настоящая участница этого движения. Там, где нет пострадавших народных масс, не может быть и демократического движения, указывал Ленин. Белинский, Герцен, Чернышевский были идейными вождями русской

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 20, стр. 223. См. также статьи В. И. Ленина «Памяти Герцена», «Из прошлого рабочей печати в России», «Роль сословий и классов в освободительном движении». Кроме того, см. замечания В. И. Ленина на книгу Плеханова «Н. Г. Чернышевский» (Ленинский сборник XXV), а также работы «Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция», «Материализм и эмпириокритицизм».

² В. И. Ленин. Соч., т. 16, стр. 108.

демократии, вдохновителями освободительного движения широких народных масс. В их произведениях, во всей их деятельности ярко выражена ненависть к существующему строю, к крепостному праву и всем его проявлениям.

В основе плехановской антимарксистской, меньшевистской концепции истории русской общественной мысли лежала буржуазно-кадетская «теория» русского исторического процесса. Подмена классовой борьбы солидарностью классов, перепевы монархической басни «о народной верности» царю, приведшие Плеханова к отрицанию революционной роли крестьянства, к политическому оппортунизму, нашли прямое отражение в его работах, посвященных представителям передовой русской общественной мысли.

В чем основные пороки плехановской концепции? Прежде всего в отрыве русской общественной мысли от борьбы классов, происходившей в русском обществе, от условий материальной жизни общества. Меньшевик Плеханов скатывался на буржуазные позиции механического перенесения на русскую почву западноевропейской буржуазной цивилизации. В его оценке русского исторического процесса этот подход к изучению истории русской общественной мысли выступает наиболее ясно. Это один из коренных пороков его меньшевистской концепции в области истории философии в России.

Господствовавшие в России классы помещиков и капиталистов, не веря, что Россия собственными силами может выбраться из отсталости, и рабски преклоняясь перед границей, стремились внушить представление об «ученической» роли русских деятелей по отношению к иностранным представителям «высшей» культуры. Они насаждали среди русской интеллигенции идеологию культурной и духовной неполноценности русского народа, предпринимали попытки умалить, принизить научные и культурные достижения русского народа. Реакционные, космополитические, дворянско-буржуазные «теории заимствования» получили широкое распространение. Плеханов не разоблачил эти теории. Он во многом рассматривал историю русской теоретической мысли не как отражение общественной жизни страны, а как преломление в русских условиях теорий Запада¹.

Отсюда и принижение Плехановым оригинальности, самостоятельности классической русской материалистической философии. Особенно оно сказалось в труде «История русской общественной мысли». Общественные течения прогрессивной мысли в России, в особенности в XIX столетии, Плеханов изучал главным образом под углом зрения влияния Запада на Россию.

В наброске плана этого труда он наметил специальные разделы: «Поворот к Западу», «Европеизация России», «Западноевропейская общественная мысль XVIII века и ее влияние на Россию», «Влияние новых течений западно-европейской мысли на умственную жизнь николаевской России». В предисловии к названному труду Плеханов утверждал, что европеизация русского общественного бытия не могла не сопровождаться европеизацией русского общественного сознания, что после реформы наши идеологи учились у западноевропейских, что европеизированные представители русской науки и культуры обо всех важных вопросах исторического развития общественной мысли России судят с точки зрения заимствованных у Запада общественных теорий.

¹ Утверждения, подобные плехановским, имеются в работах Лебедева-Полянского, Кирпотина и др.

Плеханов даже считал, что «нелогичность, нередко проявляемая русскими идеологами, объясняется в последнем счете логикой западноевропейского общественного развития»¹.

В общественной жизни Московской Руси не было таких «начал», которые дали бы возможность создать самобытную культуру, способную состязаться с культурой Запада, утверждал Плеханов; эпоха петровских преобразований сблизила с Западом лишь высшее сословие, но отделила от него низшее. Поэтому произошел отрыв истории общественной мысли от истории народа. Плеханов грубо искажал истину, утверждая, что история народа и история общественной мысли в России—это два процесса, идущих в противоположных направлениях, что в то время как социальное положение «благородного» сословия («носителей культуры») изменялось в одну сторону—в сторону Запада, социальное положение «подлых людей» продолжало изменяться в сторону Востока.

Из утверждения Плеханова о том, что носителем культуры был «высший», дворянский класс, вытекало, что вначале русская культура была дворянской: Плеханов не видел роста культурных сил самого народа, дворянскую культуру с ее подражанием Западу он отождествлял с подлинной культурой русского народа. Историю передовой общественной мысли он отрывал от истории народа, противопоставлял их друг другу. Он даже соглашался с чудовищным, оскорбительным для русского народа утверждением «славянофилов», что «европеизированное русское общество» (т. е. дворянство) представляло собой как бы колонию, живущую среди варваров; поскольку у просвещенного «общества» отсутствовала связь с народом, развитие которого якобы шло в сторону Востока,— народ был чужд просвещению и вследствие вековых предрассудков слабо поддавался западноевропейским идеям. По мысли Плеханова, передовая интеллигенция, стремившаяся помочь народу, выступала в жалкой роли «умных ненужностей», «одиночек», «лишних людей»; Плеханов не смог увидеть в лице передовых русских людей идейных вождей народа.

Деятельность Белинского, Герцена, Добролюбова, Чернышевского опровергает эти утверждения Плеханова. Она была направлена на преобразование России, на уничтожение ее экономической и политической отсталости, вдохновлялась патриотическими устремлениями, любовью к Родине и народу. Белинский подчеркивал необходимость отвечать запросам и потребностям народа, «быть руководителем народа на пути сознания, развития, прогресса»². Герцен в статье «Личное дело» говорил: «Я всеми фибрами своей души принадлежу русскому народу, я работаю для него».

В. И. Ленин и И. В. Сталин убедительно доказали, что хотя прогнившие освободительных идей и теорий в массы народа представляло большие трудности, хотя передовые люди России были в то время еще далеки от народа,—сила их общественной деятельности вовсе не была ничтожной. Они будили, поднимали народ, и в этом их огромная заслуга. Их идейные искания отражали настроения, интересы и идеалы народных масс, были органически связаны с чаяниями и надеждами народа. Но этого не увидел Плеханов.

Отсутствие связей с народом длилось, говорит Плеханов, в течение всего дворянского и разночинского периодов литературы, искусства и общественной жизни. И лишь по мере того, как рост производительных

¹ Г. В. Плеханов. Соч., т. XX, стр. 6.

² В. Г. Белинский. Письма, т. III, стр. 230.

сил сближал экономический строй России с западноевропейским и создавал материальную основу для распространения идей Запада, лишь после того, как на сцену выступил пролетариат, стало очевидно, что «мы вовсе не вне народных потребностей». В этот новый, пролетарский период развития освободительной мысли России открылись «широкие и отрадные перспективы перед русской разночинной интеллигенцией»¹.

Плеханов строил периодизацию русского освободительного движения на ошибочных основаниях. Только Ленин создал научную основу для понимания особенностей развития русской общественной мысли, определил взаимоотношения различных классов в общественном движении. Плеханов же обошел конкретно-исторические условия борьбы классов в России. По Плеханову, XVIII век являлся первым периодом русского освободительного движения; с XVIII века под влиянием Запада происходил настоящий рост русской культуры. Затем следует второй период—дворянский—от двадцатых до тридцатых и сороковых годов XIX века, характеризуемый преобладанием дворянской культуры. Третий, разночинский, период длился от сороковых до семидесятых годов XIX века, а четвертый—пролетарский—от семидесятых годов XIX века. В плехановской характеристике периодов освободительного движения не выяснена роль классовой борьбы. Историю борьбы народных масс против царизма Плеханов сводил к истории борьбы против царизма разночинной интеллигенции, причем многократно утверждал, что разночинцы не были связаны с народом, стояли в стороне от народа. Такой подход лишил Плеханова возможности установить связь между периодами освободительного движения в России, выражавшуюся в преемственности объективно-исторических задач; он не раскрыл тесной связи массового демократического движения—движения крестьянства—с последовательно пролетарским движением.

Ленин указал на связь, зависимость и родство общественно-исторических направлений и тенденций 1861 и 1905—1907 годов и требовал постоянно выяснять истинные масштабы революционных движений, показывать все увеличивающуюся степень участия в них народных масс. Ленин раскрыл важнейший факт преемственности исторических периодов освободительного движения, показал, что каждый новый период являлся дальнейшим развитием революционной классовой борьбы.

«Декабристы разбудили Герцена,—указывал Ленин,—Герцен развернул революционную агитацию.

Ее подхватили, расширили, укрепили, закалили революционеры-разночинцы, начиная с Чернышевского и кончая героями «Народной воли». Шире стал круг борцов, ближе их связь с народом»².

В работах же Плеханова процесс развития русской философии выступает, как некая «филиация идей», источник которых, как правило, он искал в Западной Европе. Переоценка влияния Запада на Россию, непонимание социально-классовой основы творчества великих русских революционных демократов, пренебрежение к фактам и явлениям русской жизни привели Плеханова к тому, что история идей у него в значительной степени изолирована от русской национальной почвы, от борьбы классов в России. Этот неверный, антимарксистский подход проявился у него в оценке взглядов не только Белинского, Герцена, Чернышевского, Добролюбова, но и Ломоносова, Радищева и других выдающихся деятелей России. И Ломоносов, и Радищев, и Белинский, и Герцен, и Чернышевский являются для Плеханова примерами влияния западноевропейской

¹ Г. В. Плеханов. Соч., т. XX, стр. 129.

² В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 14—15.

мысли на русскую мысль. Ломоносов, по мнению Плеханова, был консерватором в общественно-политических вопросах и якобы не шел дальше немца Вольфа—«усвоил консервативное мирозерцание Вольфа». О Радищеве Плеханов говорил, что вся его деятельность вдохновлялась и направлялась идеями французских просветителей; Радищева и его последователей он называл «русскими последователями освободительной французской философии».

Гегель, а затем Фейербах, по мнению Плеханова, оказали наибольшее влияние на развитие русской философской мысли. Согласно плехановской формально-логической схеме эволюции философских взглядов Белинского, деятельность Белинского зависела прежде всего от усвоения им взглядов немецких мыслителей. Эта схема, получившая в литературе большое распространение¹, имела целью доказать, что Белинский в своем идейном развитии, «в поисках абстрактного идеала справедливого общества», якобы механически переходил от одной философской системы к другой: в 30-х годах Белинский, мол, был шеллингянцем и фиктеанцем, в конце 30-х годов — гегельянцем, а в конце своей жизни — фейербахянцем.

Белинский, по мнению Плеханова, в первой фазе своего развития жертвовал «действительностью» ради «идеала», во второй он жертвовал «идеалом» ради «действительности» («примирение с действительностью» под влиянием реакционных выводов философии Гегеля); в третьей — он восстал против «действительности» и усвоил диалектику Гегеля; в последней фазе своего развития, в «четвертом акте драмы», Белинский разорвал с идеализмом и, отбросив также диалектику, перешел на позиции материализма Фейербаха. Таким образом, все развитие взглядов Белинского в изображении Плеханова оторвано от социальной почвы России. Плеханов не показывает здесь подлинного Белинского — идеолога угнетенного крестьянства, который в борьбе видел весь смысл, все значение своей жизни. В этом — главнейший порок работ меньшевика Плеханова о Белинском.

Такая трактовка взглядов Белинского неизбежно привела Плеханова к пренебрежению тем важнейшим фактом, что Белинский, Герцен, Чернышевский и др. резко критиковали гегелевский идеализм, немецкую идеалистическую философию. Непомерно возвеличивая Гегеля, его влияние на русскую общественную мысль, Плеханов обходит критику Белинским, Герценом, Чернышевским ограниченности и реакционности философских и социально-политических идей Гегеля и других представителей немецкого идеализма. А между тем, не изучив внимательно критики философских систем прошлого, развернутой русскими философами, нельзя составить научного представления о развитии философской мысли в западноевропейских странах.

И в анализе взглядов Герцена и Чернышевского, и в исследовании взглядов Белинского неверный методологический подход Плеханова выражается в том, что изучение идейного наследства революционных демократов подчинено у него задаче сопоставления их с теориями Запада. И к эволюции философских взглядов Герцена Плеханов подошел с позиций своей пресловутой «западной схемы», утверждавшей зависимость русских мыслителей от западноевропейских идейных направлений. С первой же страницы своей статьи «Философские взгляды Герцена» Плеханов ставит вопрос: «Что нашел Герцен у Гегеля и что он заимствовал

¹ См. работы Лебедева-Полянского и др. Ложная «западническая схема» идет еще от либерала Анненкова.

у него?»¹. Западноевропейские источники оказались, по Плеханову, решающими и в формировании взглядов молодого Чернышевского. Некоторые писанные по-русски статьи и книги могли восхитить Чернышевского, заявляет Плеханов, но «для него они не были первоначальным источником его понятий и знаний». Первоначальным источником взглядов Чернышевского, по Плеханову, был Фейербах, Чернышевского он характеризует как ученика и последователя Фейербаха.

С этого утверждения начинается Плеханов свою монографию 1910 года «Н. Г. Чернышевский». В книге 1899 года, пишет Плеханов, «мы высказали то убеждение, что по своим философским взглядам наш автор (то есть Чернышевский.—В. Ф.) был последователем Фейербаха»².

О зависимости Чернышевского от западных мыслителей Плеханов говорит в первой главе своей работы о Чернышевском. Приводя слова Чернышевского о том, что одним из его учителей был Фейербах, Плеханов замалчивает другие высказывания великого революционного демократа, в которых он называет себя последователем Герцена и Белинского. Чернышевский указывал: «Развитие последовательных воззрений из двусмысленных и лишенных всякого применения намеков Гегеля совершилось у нас отчасти влиянием немецких мыслителей, явившихся после Гегеля, отчасти — мы с гордостью можем сказать это — собственными силами»³.

Полностью отождествив материализм Чернышевского с материализмом Фейербаха, Плеханов не сумел раскрыть самостоятельный, творческий характер философии Н. Г. Чернышевского. Он принижал значение философского материализма Чернышевского. По Плеханову, и Чернышевский, и Добролюбов, и Белинский развивались в направлении от Гегеля к Фейербаху, являясь их верными учениками и последователями.

Точно так же, рассматривая вопросы диалектики, Плеханов останавливается только на вопросе о влиянии Гегеля на Белинского, Герцена и Чернышевского. Принципиальные положения о том, что Белинский, Герцен, Чернышевский провозгласили необходимость переработки гегелевской диалектики, стремились создать в рамках своего материализма новую диалектику, освобожденную от идеалистической ограниченности, резко выступали против гегелевского идеализма, — Плехановым не рассматриваются.

В статьях о Белинском Плеханов не ставит сколько-нибудь серьезного вопроса о резко критической направленности взглядов Белинского, роли Белинского и Герцена в развитии у Добролюбова демократического подхода к анализу явлений материальной действительности. Хотя Плеханов не раз отмечал необычайно глубокое понимание Герценом диалектики (он даже искал сходства во взглядах Маркса, Энгельса и Герцена на диалектику), но именно ему принадлежит утверждение, что «диалектика плохо далась Герцену»⁴.

Ленин показал, что в крепостной России 40-х годов XIX века Герцен сумел встать вровень с величайшими мыслителями своего времени, он усвоил диалектику Гегеля, понял, что она представляет собой «алгебру революции», и пошел дальше Гегеля — к материализму. Герцен вплотную подошел к диалектическому материализму и остановился перед истинным материализмом. Ленин подчеркивает, что уровень философской мысли у русских философов XIX века был необычайно высок.

¹ Г. В. Плеханов. Соч., т. XXIII, стр. 355.

² Г. В. Плеханов. Соч., т. V, стр. 189.

³ Н. Г. Чернышевский. Избранные сочинения, т. IV, 1931, стр.

⁴ Г. В. Плеханов. Соч., т. X, стр. 241.

Плеханов отмечал, что Чернышевский очень популярно и хорошо выяснил характер диалектического отношения к изучаемому явлению, особенно в работах «Очерки гоголевского периода русской литературы» и «Критика философских предубеждений против общинного землевладения». Последняя статья, говорил Плеханов, была и остается самым блестящим в нашей литературе опытом приложения диалектики к анализу общественных явлений. Но Плеханов был непоследователен в оценке Чернышевского.

По мнению Плеханова, Чернышевский несмотря на критическое отношение к Гегелю, руководствовался в рассмотрении форм развития природы и истории гегелевскими формулами диалектики: учение Гегеля о триаде, якобы воспринятое Чернышевским, дало ему, в частности, теоретические доказательства для характеристики развития поземельной собственности в России. Плеханов стремится доказать, что Чернышевский находился в плену идеалистической диалектики.

Стремление Плеханова в работах 900-х годов раскрыть главным образом идеалистические заблуждения Чернышевского, подчеркнуть ограниченность его материализма исходило из явной недооценки Чернышевского как выдающегося диалектика и материалиста. Здесь у Плеханова сказались меньшевизм, опoшление диалектики, сведение ее к софистике, а также рабское следование «западной схеме», согласно которой Чернышевский был верным последователем Фейербаха; Плеханов утверждает, что во взглядах Чернышевского «осталась неразвитою та самая сторона, которая мало была развита и у его учителя»¹.

Изучение в этом одностороннем плане воззрений Белинского, Герцена, Чернышевского, Добролюбова привело Плеханова к недооценке того, что резко отличало их от западноевропейских представителей домарковского материализма.

Плеханов не придавал должного значения исторически сложившимся условиям жизни и деятельности великих революционеров-демократов, а между тем, крепостное право, гнет царского самодержавия, политическое бесправие народа и, наряду с этим, острая борьба масс против царизма явились той почвой, на которой вырастали их революционные устремления и взгляды.

Рассматривая революционных демократов лишь как просветителей и социалистов-утопистов, меньшевик Плеханов обошел важнейшую отличительную особенность русского утопического социализма от западноевропейского—соединение пропаганды социалистических идей с призывом к революционному преобразованию общества. Он утверждал, что наши просветители, подобно французским просветителям XVIII века, боролись оружием «разума» и «здравого смысла», иначе говоря, опирались на отвлеченные соображения.

Выражения «фейербахianец», «утопический социалист», «просветитель», по адресу не только Чернышевского, но и Белинского и Герцена, выражали существо плехановской оценки великих революционеров-демократов. Плеханов утверждал, что Добролюбов, как и Чернышевский, является критиком-просветителем, задавшимся целью распространения передовых идей в обществе².

Ленин давал Добролюбову прямо противоположную оценку; он писал, что Добролюбов дорог всей образованной и мыслящей России, как писатель, яростно ненавидевший произвол, страстно жаждавший

¹ Г. В. Плеханов. Соч., т. V, стр. 39.

² См. Г. В. Плеханов. Соч., т. XXIV, стр. 51.

восстания против «внутренних турок», против самодержавного правительства.

По Ленину, у классиков русской философии «демократизм и социализм сливались в одно неразрывное, неразделимое целое»¹, ибо не существовало тогда объективных исторических предпосылок для разграничения: пролетариата как класса еще не было, не было и рабочего движения. Плеханов же эту связь уничтожает, отделяя «просветительство», утопический социализм Белинского, Чернышевского, Добролюбова от их боевого демократизма. При этом в характеристике отличительных черт и особенностей просветительства Плеханов делал упор не на революционную роль русских демократов-просветителей, не на их революционный патриотизм, а на их теоретическую деятельность, недооценивая их общественно-политические взгляды. Вот почему Плеханов не смог раскрыть политического характера теории революционных демократов, тесно связанной с практикой революционной борьбы. По-меньшевистски отрывая теорию от практики, Плеханов приписывал эту черту и классикам русского материализма. Так, у Белинского он отделял теоретическую деятельность от практически-политической, считая, что просветительство Белинского принесло пользу общественному развитию России, а теоретические его взгляды служили якобы препятствием «всестороннему изучению предмета». Это глубоко ошибочное толкование.

Точно так же Чернышевский, по Плеханову, рассматривал идеал общественного устройства в «полусвете абстракции, независимо от условий, места и времени». Свои ожидания Чернышевский будто бы приурочивал к «субъективным, а не объективным факторам развития». Плеханов, таким образом, выхолащивал классовое, политическое, революционное содержание деятельности Чернышевского. Вот почему Ленин, читая работу Плеханова «Н. Г. Чернышевский» (1910), остановился на словах: «Подобно своему учителю, Чернышевский тоже сосредоточивает свое внимание почти исключительно на «теоретической» деятельности человечества, вследствие чего умственное развитие и становится в его глазах самой глубокой причиной исторического движения». Ленин отметил: «Таков же недостаток книги Пл[е]х[ано]ва о Черн[ышевск]ом»².

Просветительская деятельность у Чернышевского отнюдь не отрывалась от классовой политической борьбы масс. Ленин рассматривал эту деятельность как деятельность, способствующую внесению сознательности в движение народа, как яркое выражение и отражение освободительной борьбы.

Плеханов проглядел также, что у Чернышевского речь шла не об отношении к политике вообще, а об отношении к политике либеральной и политике демократической. Плеханов указывал главным образом на различие материалистического и идеалистического взгляда на историю, прослеживал логическую несостоятельность идеалистического понимания истории революционными демократами в противоположность материалистическому, подробно пояснял, что великие русские материалисты XIX века придерживались исторического идеализма. В этом смысле Ленин и говорил, что из-за теоретического различия идеалистического и материалистического взгляда на историю Плеханов просмотрел практически-политическое и классовое различие либерала и демократа.

Плеханов не признавал Чернышевского демократом, крестьянским социалистом. Поправляя Плеханова, который говорил о Чернышевском, как о представителе разночинцев, Ленин пишет: «т. е. демократов».

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 1, стр. 253.

² Ленинский сборник XXV, стр. 221.

По Ленину, в форме утопического социализма в России выступала революционность крестьянской демократии. Ленин ясно показывал эту отличительную особенность утопического социализма в России, существо «русского крестьянского социализма», веру Герцена и Чернышевского в особый уклад, в общинный строй русской жизни и в возможность крестьянской революции. «... Чернышевский,—пишет Ленин,—был не только социалистом-утопистом. Он был также революционным демократом, он умел влиять на все политические события его эпохи в революционном духе, проводя—через препоны и рогатки цензуры—идею крестьянской революции, идею борьбы масс за свержение всех старых властей»¹.

Отмечая мелкобуржуазный утопизм «социалистической теории» Герцена и Чернышевского, Ленин всегда подчеркивал ее революционно-демократическое содержание. Плеханов же превратил русских революционных демократов в просветителей западноевропейского типа, в людей, оторванных от борьбы классов.

Плеханов не поставил вопроса о том влиянии, которое оказывали русские революционные мыслители на западноевропейскую теоретическую мысль, не придавал значения тому, что Маркс и Энгельс с неослабным интересом следили за ростом русской теоретической мысли, высоко оценивали ее достижения. Он не продумал оценок, данных Чернышевскому Марксом и Энгельсом, которые отзывались о нем не только как о великом русском ученом и критике, великом мыслителе, но и как о последовательном революционере.

Маркс и Энгельс придавали большое значение революционной деятельности представителей русского освободительного движения, их борьбе против царизма, отмечали решительный, непримиримый характер этой борьбы и ее влияние на международное революционное движение.

Плеханов не видел острой борьбы, развернувшейся между либералами и представителями революционной демократии в русском обществе. Он не показал всего различия и непримиримости этих двух направлений в истории русской общественной мысли. Водораздел в русской общественной мысли 40—60-х годов, согласно его мнению, проходил не между лагерем революционных демократов и лагерем крепостников-либералов, не между двумя основными борющимися классами—помещиками и крестьянами, а между «западниками» и «славянофилами». В этих своих воззрениях Плеханов следовал за буржуазными критиками.

Так, в статьях о Белинском и Герцене Плеханов, вместо того чтобы показать, чьи интересы выражали Белинский и Герцен, представителями каких классов они являлись, допускает меньшевистский объективизм, приводящий его к отрицанию социальной природы и классовых основ их идей. Этот объективизм выражается в том, что Плеханов объявил Белинского и Герцена стоящими во главе двух борющихся общественных групп—«западников» и «славянофилов». Герцен выступает, по его мнению, как родоначальник «славянофильства», а Белинский, подобно Чернышевскому и Добролюбову,—как непримиримый «западник». Плеханов не разбил ходячей буржуазной «теории», согласно которой великие демократы были «западниками», не показал, что они воспринимали опыт Запада критически. Он не вскрыл классовых корней «славянофильства» и «западничества», не указал, что и «славянофилы» и «западники» являлись фракциями партии дворянско-буржуазных либералов. По Плеханову, они принадлежали к двум различным «группам интеллигенции». Он, стало-быть,

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 17, стр. 97.

подменял понятие «класс» расплывчатым понятием «группы». Под группировки «западников» и «славянофилов» Плеханов подводил и представителей дворян—идеологов крепостничества и либералов, и разночинцев—выразителей демократических тенденций.

Показательна в этом смысле его статья «Виссарион Белинский и Валериан Майков». В ней Плеханов не раскрыл классового различия взглядов В. Майкова и В. Белинского; эта статья ценна в том отношении, что автор выступил против попыток либералов доказать, что Майков, а не Белинский, являлся центральной фигурой эпохи. Сопоставляя взгляды Белинского и Майкова, Плеханов установил, что именно Белинский, а не Майков, склонявшийся «к положительной философии Конта», сформулировал основные принципы эстетики. Плеханов противопоставил Белинского Майкову не только в общеэстетическом, но и в философском плане. Белинский, говорит он, шел к материализму, был материалистом, а Майков готовил почву для субъективных социологов; у Майкова «можно найти несколько формул, довольно близких к формуле прогресса Михайловского»¹. Однако социального смысла различий во взглядах В. Майкова и В. Белинского Плеханов не раскрыл. В весьма отвлеченной форме он писал, что направление Майкова «резко разошлось с тем, по которому шла сначала мысль Белинского, потом Чернышевского и Добролюбова и, наконец, русских марксистов»². Различие это он видел лишь в том, что Белинский выступал, как человек «крайностей», склонный к фанатизму, а Майков боялся крайностей и старательно избегал их. Плеханов не увидел в различии взглядов Белинского и Майкова противоположности, существовавшей между революционно-демократической идеологией—идеологией крестьянских масс—и помещичье-буржуазным либерализмом. Он даже искал примирительных тенденций у Белинского и Чернышевского.

Не случайно в речи «К столетию со дня рождения В. Г. Белинского» Плеханов утверждал, что Белинский, не питая ни малейшей надежды на то, что протест против печальной российской действительности выйдет из народной среды,—поневоле повернул свои взоры к царскому трону. Больше того, Белинский якобы «опасался, как бы наши прогрессисты не запугали правительство резкими проявлениями враждебности к нему». Плеханов делает грубо ошибочный вывод: «Такие люди стали казаться Белинскому вредными».

Непримиримую борьбу Чернышевского с либералами Плеханов изображает как стремление сгладить противоречия и острые углы, примирить различные политические взгляды: «Очерки гоголевского периода» «написаны спокойным и примирительным тоном...»,—заявляет Плеханов. В деятельности Погодина Чернышевский будто бы находил полезные и похвальные черты, о «славянофилах» говорил с неподдельным уважением; даже на порицателей «Современника»—либералов из «Отечественных записок»—Чернышевский нисколько не сердился: «Он поучает их почти ласково, как поучает добрый педагог провинившегося школьника»³.

Знаменитое письмо Чернышевского к Герцену, где Чернышевский восклицал: «К топору зовите Русь», и упрекал Герцена за его колебания в сторону либерализма, отмечая, что у него «все еще в нутре московский барин сидит»,—Плеханов обходит. Это противоположно ленинской точке зрения: Ленин в своих работах неоднократно призывал к выяснению

¹ Г. В. Плеханов. Соч., т. XXIII, стр. 259.

² Там же, стр. 258.

³ Г. В. Плеханов. Соч., т. V, стр. 165, 170.

сущности буржуазно-помещичьей, либеральной и демократической тенденций и к их размежеванию. О либералах и демократах Ленин говорил как о представителях двух противоположных классов, как о двух исторических силах, с 60-х годов XIX столетия определяющих исход борьбы за новую Россию.

Плеханов не вскрыл сущности и взаимоотношений либерализма и демократии в их историческом развитии, на необходимость чего указывал Ленин.

Проповедь «теории» сотрудничества классов, примирения классовых противоречий привела Плеханова к буржуазно-либеральной оценке социально-политических воззрений представителей передовой русской мысли.

Совершенно исключительный интерес представляют критические замечания Ленина по поводу работы Плеханова о Чернышевском (1910). Написанная меньшевиком Плехановым, книга эта резко отличается от статей 80—90-х годов и от немецкого издания 1894 года. Она в основном написана заново. Плеханов предпослал ей специальное предисловие и введение. Первая часть и первый отдел 2-й части тоже написаны заново, второй же отдел 2-й части книги представляет собой перепечатку 2-й, 3-й и 4-й статей Плеханова о Чернышевском, датированных 90-ми годами. Но и этот отдел также подвергся большим изменениям.

Некоторые авторы статей о Плеханове считают, что в меньшевистский период Плеханов внес в свои оценки Чернышевского лишь незначительные изменения, стилистические поправки. Такая точка зрения противоречит ленинским критическим замечаниям на книгу Плеханова о Чернышевском. Последняя, как и другие работы Плеханова о Чернышевском, написанные приблизительно в тот же период, т. е. после революции 1905 года, когда Плеханов стал лидером русского меньшевизма, — получила резко отрицательную политическую оценку Ленина. Во второй части книги Плеханова о Чернышевском «Социализм и политика» Ленин вскрыл наличие нового подхода к Чернышевскому, непосредственно связанного с меньшевистскими взглядами Плеханова.

Эволюцию Плеханова Ленин прослеживает путем тщательного сличения и сопоставления плехановской книги о Чернышевском 1910 года и статей Плеханова в журнале «Социал-демократ», вошедших в книгу 1894 года, изданную на немецком языке. Эти статьи принадлежали к тому периоду, когда Плеханов еще не перешел в лагерь оппортунизма. Книга 1894 года давала в целом правильное представление о взглядах Чернышевского: Ленин дал о ней положительный отзыв. Сопоставляя с ней книгу девятисотых годов, он отмечал каждую, имеющую значение, формулировку Плеханова, оставшуюся без изменений или резко измененную.

Помимо замечаний, указывающих на наличие эволюции во взглядах Плеханова, Ленин сделал ряд пометок в связи с вопросами, толкования которых Плеханов в основном не изменил. Особенно много замечаний сделал Ленин по написанным заново главам первой части и первого отдела второй части. Он внимательно следил за переносом отрывков из статей «Социал-демократа» в монографию 1910 года, нередко помещенных в другом порядке, в совершенно иной связи.

С величайшей ясностью и глубиной Ленин показал, что Плеханов в своих работах девятисотых годов пошел по линии меньшевистского толкования Чернышевского, смазывая резкую критику Чернышевским либералов и в особенности революционные взгляды Чернышевского.

Уже при чтении «Введения» Плеханова к этой монографии Ленин обращает внимание на изменения, внесенные автором в следующую фразу «Чернышевский присутствовал при зарождении у нас нового типа «новые люди». Этот тип выведен им в лице Рахметова». Фраза Плеханова заканчивается словами: «Почти в каждом из выдающихся наших социалистов 60-х и 70-х годов была не малая доля рахметовщины»¹. Раньше, в сборнике «Социал-демократ», начало фразы выглядело так: «Чернышевский присутствовал при зарождении у нас нового типа «новых людей» — революционера»², а конец: «В каждом из выдающихся русских революционеров была огромная доля рахметовщины»³.

В 1910 году Плехановым было выброшено из текста то весьма важное положение, что теперь революционер из «интеллигентной среды почти совершенно сыграл свою роль... На смену ему должны придти ... революционеры из рабочей среды, эти истинные «дети народа».

Плеханов постарался сгладить непримиримое отношение Чернышевского к либералам. Специальный седьмой раздел, посвященный либералам, имевшийся в его первой статье в сборнике «Социал-демократ», был им выброшен, и лишь отдельные незначительные отрывки из этого раздела вошли в книгу девятисотых годов. Так, Плеханов исключил фразу с которой начинался этот раздел статьи: «Если при всей горячей любви к народу наш автор умел трезвыми глазами взглянуть на его недостатки то можно представить себе, как относился он к дворянству и к довольно сильно кричавшей тогда либеральной партии. Тут он был совершенно беспощаден»⁴. В фразе «У людей развитых, образованных и либеральных недостаток благородного мужества бросается в глаза» слово «либеральных» выброшено и вместо «развитых» поставлено «гуманных»⁵.

Из книги 1910 года исключено важное положение, свидетельствующее о прежней правильной оценке Плехановым отношения Чернышевского к либералам. Вот что писал Плеханов ранее: «Нам никогда не случалось читать такой злой и вместе до такой степени меткой характеристикой российского либерализма. Что сказал бы Н. Г. Чернышевский тем немалочисленным у нас людям, которые, называя себя революционерами возлагают все свои упования на либеральное «общество» и всем правдами и неправдами стараются превратить нашу революционную партию в партию солидных и умеренных либералов? Ведь русские либералы мало изменились с того времени, когда «Современник» осыпал их своими сарказмами»⁶.

Плеханов изменил или заменил целый ряд других формулировок объективистскими формулировками, грубо искажающими идеи Чернышевского. О сознательном смягчении Плехановым тона Чернышевского в отношении либералов свидетельствует, как подчеркивает Ленин, замена положения: «И он начинает потешаться над прусскими либералами которые, по его меткому замечанию, сердились на то, что политическая свобода в Пруссии «не водворяется сама собой»⁸ — другой, ничего не говорящей фразой, что Чернышевский «хотел воспользоваться прусским

¹ Г. В. Плеханов. Соч. т. V, стр. 184.

² Там же, стр. 120.

³ Там же, стр. 121.

⁴ Там же, стр. 84.

⁵ Там же, стр. 85.

⁶ Там же, стр. 336.

⁷ Там же, стр. 85—86.

⁸ Там же.

событиями для сообщения наиболее догадливым из своих читателей правильного взгляда на то главное условие, от которого в последнем счете зависит исход всех крупных общественных столкновений».

Острую критику Чернышевским правительства Плеханов смягчает. Фраза: «Чернышевский был первым, по времени, русским писателем, понявшим некрасивую и лицемерную роль русского правительства в деле крестьянского освобождения»¹, в книге 1910 года выглядит так: «Чернышевский был первым, по времени, русским писателем, понявшим, что он обольщался несбыточной надеждою»². Великая заслуга Чернышевского, обличавшего царизм, лицемерие правительства в решении крестьянского вопроса, выдается таким образом за крушение «несбыточной надежды» Чернышевского.

Не меньший интерес представляет фраза, о которой Ленин говорит: «сравни с «Социал-демократом». В первой статье 1889 года о Чернышевском у Плеханова приведены слова «Современника»: «Смешно называть его (либерала Сперанского.—В. Ф.) революционером». Плеханов пишет, что, опираясь на доверие Александра, Сперанский «и думал совершить» свои реформы. И именно поэтому он казался Чернышевскому вредным мечтателем. Мечтатели часто бывают просто смешны, а их самообольщения мелочны»³. В книге 1910 года—слово «реформы» заменяется словом «планы», слово «вредный» выбрасывается. Фраза получает измененную редакцию: «Опираясь на это доверие, он и думал осуществить свои планы. И именно поэтому Чернышевский называет его мечтателем». Далее добавляется новая фраза, возвеличивающая Сперанского: «Он был человеком очень тонкого ума, но горячность его стремлений ввела его в ошибку. Мечтатели часто бывают смешны...»⁴.

В противоположность Плеханову, смазавшему революционные взгляды Чернышевского, Ленин в статье «Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция» с особой силой раскрыл революционный характер деятельности Чернышевского. Ленин отмечает, что в книге Плеханова по сравнению со статьями «Социал-демократа» изменены и тон, и смысл.

А ведь еще в 80-х годах Плеханов называл Чернышевского «великим учителем молодежи!» Он писал тогда: «Намекая молодежи на необходимость революционного способа действий, Чернышевский в то же время объяснял ей, что революционеру, ради достижения его целей, часто приходится становиться в такие положения, до каких никогда не может допустить себя честный человек, преследующий чисто личные задачи... «Исторический путь не тротуар Невского проспекта,— замечает наш автор...—Кто боится быть покрыт пылью и выпачкать сапоги, тот не принимайся за общественную деятельность»⁵. В книге 1910 года этот революционный пафос выхолощен. Вместо приведенной фразы там сказано: «Не поддается вредным увлечениям в политике только тот, кто постоянно помнит, что ход общественной жизни определяется соотношением общественных сил. Тому, кто хочет действовать сообразно с этим основным положением, приходится иногда переживать тяжелую нравственную борьбу. Чернышевский старается предупредить на этот счет «лучших людей» своего времени ввиду приближавшегося, как он думал, скачка»⁶.

¹ Г. В. Плеханов. Соч., т. V, стр. 78.

² Там же, стр. 164.

³ Там же, стр. 106.

⁴ Г. В. Плеханов. Соч., т. VI, стр. 60.

⁵ Г. В. Плеханов. Соч., т. V, стр. 106.

⁶ Г. В. Плеханов. Соч., т. VI, стр. 60.

Далее исключается важная фраза: «... по отношению к русскому правительству, тон Чернышевского становится все более и более вызывающим» Ленин отмечает: «Сравни пропуск «Социал-демократ». Несколько ниже Плеханов заменяет строчку из «Социал-демократа»: «Россия вступила в революционный период своего развития» — расплывчатым выражением «И в России приближается время «скачка». В книге 1910 года Плеханов вы бросил фразу: «... представления Чернышевского о социальной революции были очень не похожи на наши нынешние представления о ней». В другой фразе, говорящей о том, что Чернышевский часто ошибался в своих рассуждениях об экономических законах буржуазного общества, но не ошибался в своем отрицательном отношении к этому обществу, — опущено последнее предложение.

Интересно, что в этой книге Плеханов использует высказывания Чернышевского для меньшевистского обоснования теории «производительных сил» капитализма. Чернышевский считал частную собственность промежуточной ступенью развития, сильно упирая на то, что промежуточные фазы общественного развития могут при известных обстоятельствах сократиться. Однако Чернышевский понимал, что при своем сокращении данная фаза не всегда приводит к тем же результатам, что и более продолжительная. Пример Чернышевского с сигарами, которые приобретают особенно ценные для курильщиков качества, подвергаясь медленному процессу высыхания, Плеханов использует для меньшевистского «диктательства» «положительного значения культурного капитализма»:

«Не то ли же и в общественной жизни? — пишет он. — Нет ли основания думать, что более или менее продолжительный процесс капиталистического развития создает такие политические, умственные и нравственные качества трудящегося класса, каких мы вовсе не найдем в народе, покидавшем в течение всей своей истории допотопных «устоев» своего быта? И нет ли основания опасаться, что народ, не усвоивший себе культурных приобретений капиталистической фазы, окажется совершенно неспособным к организации общественного производства в тех размерах, которые предполагаются огромным развитием современных производительных сил?»¹.

Плеханов затушевывает отличие Чернышевского от народников. В книгу 1910 года не вошло положение, защищавшееся им в девяностых годах: «По сравнению с народниками Чернышевский до сих пор остается самым передовым человеком». Эта фраза вычеркнута Плехановым. В книге отсутствует также важное положение о том, что на Западе нет ни социалистов, кроме марксистов. А это могло означать только одно оправдание всякого рода квази-социалистических группировок.

Таким образом Плеханов, эволюционируя к оппортунизму, изменяет свои взгляды на Чернышевского. В работах 90-х годов он все же указывал на революционный характер политических взглядов Чернышевского. В работе же 1910 года он обращал внимание главным образом на философские взгляды Чернышевского, причем смазывал значение Чернышевского как революционного демократа и политического деятеля. Под его пером Чернышевский предстал лишь как крупная умственная сила.

Антимарксистская, антинаучная, меньшевистская концепция Плеханова по вопросам истории русской философии принесла большой вред. Многие реакционные идеологи и буржуазные историки русской философии использовали не только панславистские, либерально-кадетские

¹ Г. В. Плеханов. Соч., т. VI, стр. 36.

и народническо-эсеровские теории русской мысли, но охотно хватались и за ошибочные плехановские выводы и использовали их в борьбе против передовой русской культуры.

В своих контрреволюционных писаниях Гершензона, Милуковы, Котляревские, Шпеты, проповедовавшие национальный нигилизм, пренебрежение к русской культуре и ее славным традициям и протаскивавшие западноевропейские идеалистические теории, использовали меньшевистскую концепцию Плеханова, Аксельрода, Потресова.

В условиях советского строя эту линию замалчивания и принижения выдающегося значения русской революционной материалистической мысли, отрицания ее самостоятельности и оригинальности восприняли меньшевистствующие идеалисты и космополиты. Превознося западноевропейскую буржуазную философию, особенно философию Гегеля, они тщились «доказать» подражательный характер русского материализма, обходили реакционные стороны и классовую ограниченность буржуазной философии, буржуазного мировоззрения. Они игнорировали ленинское философское наследство и, противопоставляя Ленину Плеханова, отрицали высший, ленинский этап в развитии марксистской философии.

Партия большевиков, товарищ Сталин, разоблачили вредоносные взгляды меньшевистствующих идеалистов, смыкавшихся с контрреволюционными троцкистами и правыми предателями, нацелили философские кадры на борьбу против буржуазного объективизма и катедер-социализма, за большевистскую разработку ленинского философского наследства и истории русской философии.

Буржуазный космополитизм в философии, пропагандировавшийся меньшевистствующими идеалистами, в недавнее время проявился в писаниях некоторых «философов», подменявших единственно научную, ленинско-сталинскую концепцию истории русской философии меньшевистской концепцией. Космополитические взгляды распространяли З. Каменский, Е. Кривелев, М. Селектор и др. Повторяя меньшевистские зады, безродные космополиты протаскивали буржуазно-объективистский тезис о якобы ученическом характере русской материалистической философии; при этом они нередко использовали плехановскую аргументацию и плехановскую порочную схему влияния западных мыслителей на философскую мысль в России.

В прямой связи с попытками космополитов представить русскую общественную мысль придатком западного идеализма стоит забвение материалистической традиции в России, игнорирование социально-классовых основ воззрений великих русских мыслителей и философов. Русская философия рассматривается в отрыве от национальной почвы, от освободительной борьбы трудящихся России; при этом одним из источников космополитических идей являются меньшевистские концепции Плеханова.

Проявления космополитизма представляют серьезную политическую опасность. Космополитизм—реакционная идеология буржуазии. Космополитические идейки призваны прикрыть и оправдать далеко идущие агрессивные планы американо-английского империализма. Под флагом космополитизма монополисты США ведут борьбу против лагеря мира и демократии, разворачивают подготовку к новой войне против СССР и стран народной демократии, за мировое господство США.

Ленин и Сталин раскрыли выдающуюся роль русской освободительной мысли в истории революционного движения России. В своей знаменитой статье «О национальной гордости великороссов» Ленин проникновенно писал о великой русской нации, о ее замечательных освобо-

дительных традициях. В русском освободительном движении, выдвинушем на арену общественной жизни славную плеяду мыслителей и племнных патриотов, Ленин видел великие образцы борьбы за свободу и социализм, против насилия и гнета, которому подвергали Россию царские палачи, дворяне и капиталисты.

«Мы гордимся тем,—писал Ленин,—что эти насилия вызывали отпиз нашей среды, из среды великоруссов, что эта среда выдвинула Радищева, декабристов, революционеров-разночинцев 70-х годов, что великорусский рабочий класс создал в 1905 году могучую революционную партию масс, что великорусский мужик начал в то же время становиться демократом, начал свертгать попа и помещика»¹.

Товарищ Сталин в письме Д. Бедному назвал эту статью Ленина ясной и смелой революционной программой русского рабочего класса. Цитируя ленинские строки о национальной гордости великоруссов, товарищ Сталин указал на поучительное прошлое России, подчеркнул замечательные революционные традиции русского народа, величие деятельности советского рабочего класса и, прежде всего, русского рабочего класса, славного носителя заветов и традиций революционной общественной мысли России. Революционные рабочие всех стран с жадностью изучают прошлое России, «зная, что кроме России реакционной существовала еще Россия революционная, Россия Радищевых и Чернышевских, Желябовых, Ульяновых, Халтуриных и Алексеевых. Все это вселяет (не может вселять!) в сердца русских рабочих чувство революционной национальной гордости, способное двигать горами, способное творить чудеса»².

Ленин и Сталин показали, что развитие русской философии непрерывно связано с революционной борьбой народных масс России против царизма. Ленин и Сталин раскрыли глубокое значение освободительных идей русской революционной демократии, величие революционного патриотизма Белинского, Герцена, Чернышевского, Добролюбова, борьбы за прогресс России, за светлое будущее народа.

---

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 21, стр. 85.

² И. В. Сталин. Соч., т. 13, стр. 25.